

ВОСПОМИНАНИЯ А. РЫПИНСКОГО О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Публикация Д. Б. Кацнельсон

Ценным источником изучения жизни декабристов являются мемуары польских патриотов. Участники польского национально-освободительного движения тридцатых и сороковых годов, сосланные на каторгу и на поселение в Сибирь, встретились там с декабристами. Русские революционеры заботились о польских патриотах, оказывали им материальную и моральную поддержку. Между русскими и поляками, подвергнувшимися репрессиям со стороны царского правительства, завязалась братская дружба. Многие из ссыльных поляков (Руфин Пиотровский, Юлиан Сабинский, Гаспар Машковский и др.) оставили мемуары, в которых вспоминают о декабристах с чувством любви и благодарности. Поляки рассказали читателям Польши, России, Западной Европы (некоторые мемуары появились за границей) о самоотверженной любви декабристов к родине, об их душевной красоте, о стремлении ссыльных русских революционеров облегчить жизнь местного населения, просветить его; подчеркивали, что простые люди, жители Сибири, преклонялись перед декабристами¹.

Среди польских мемуаров, посвященных декабристам, особо выделяются воспоминания Александра Рыпинского о Кюхельбекере. Рыпинский — поэт и фольклорист, участник польского восстания 1830—1831 гг.; в Сибири он не был: после разгрома восстания Рыпинский эмигрировал во Францию. С Кюхельбекером он познакомился в конце двадцатых годов: Кюхельбекер был заключен в Динабургскую крепость, а Рыпинский учился в Динабурге в школе прапорщиков. О знакомстве с Кюхельбекером Рыпинский рассказывает в одном из примечаний к своей книжке «Белоруссия» («Białoruś». Paryż, 1840, str. 22—25). Это — первое появившееся в печати свидетельство очевидца о судьбе одного из участников восстания 14 декабря. Перед читателем предстал образ декабриста, патриота и героя, обреченного царем на медленную мучительную смерть. Рассказ поляка Александра Рыпинского о дружбе с Кюхельбекером представляет интерес и для истории русско-польских культурных связей.

Воспоминания Рыпинского рассказывают о дружеском общении с Кюхельбекером самого автора и двух его товарищей по школе прапорщиков — Александра Понговского и Тадеуша Скржидлевского. Они навещали декабриста, заключенного в крепости, читали с ним вместе², помогали ему переписывать его литературные произведения.

Рыпинский не принадлежал к демократическому крылу польского национального движения: в его общественно-политических взглядах были элементы шляхетского консерватизма и национализма. Как известно, большинство тайных шляхетских обществ двадцатых годов считало основным пунктом своей программы восстановление Польши в границах 1772 г. Требование шляхты присоединить к Польше белорусские и украинские земли противоречило прогрессивному историческому развитию белорусского и украинского народов и было подвергнуто критике со стороны Рылеева и Н. М. Муравьева. Декабристы утверждали, что Польша должна быть восстановлена в своих этнографических границах. Крупнейшее тайное шляхетское общество «Towarzystwo patriotyczne narodowe» было консервативным по своей социальной программе. Переговоры представителей «Национального патриотического общества» с Пестелем, Бестужевым-Рюминым и Муравьевым обнаружили расхождение между польской организацией и декабристами во взглядах на общественно-политические и социальные вопросы. «Национальному патриотическому обществу» было чуждо выдвигавшееся

Пестелем (в «Наказе Временному верховному правлению») требование демократического переустройства политического и социального строя Польши³.

Русские дворянские революционеры, как известно, выдвинули лозунг независимости Польши. Героическая борьба декабристов против самодержавия оказывала воздействие на развитие прогрессивного направления в польском национальном движении, пробуждала в поляках чувство братской солидарности, стремление связать свою борьбу за независимость родины с борьбой передовых русских людей. Во время восстания 1830—1831 гг. большой популярностью пользовался среди прогрессивных патриотических кругов, в частности среди трудовых масс Варшавы, лозунг «За нашу и вашу свободу!». 25 января 1831 г. восставшая Варшава траурной манифестацией почтила память казненных декабристов. В манифестации вместе с обществом «Патриотический клуб» приняли участие народные массы⁴. Любовь к декабристам, преклонение перед их высоким подвигом, солидарность с теми, кто продолжал освободительную борьбу в России,—нашли яркое выражение во многих документах польской народной революционной организации «Люд польский» (1835—1846)⁵.

В книжке Рыпинского «Białogół» сказались противоречия, присущие идеологии автора, который, как сказано, хотя и был участником борьбы за независимость Польши, не принадлежал к числу борцов-демократов. С одной стороны, Рыпинский выражает в своей книге ненависть к царскому самодержавию, сочувствие декабристам, восторгается богатством и поэтичностью белорусского народного творчества, с другой — отрицает национальную самобытность белорусского народа и проповедует гармонию между классовыми интересами польской шляхты и белорусского крестьянства.

Книжка Рыпинского состоит из рефератов о белорусском фольклоре, прочитанных в 1839 г. на заседаниях польского «Литературного общества» в Париже. Рыпинский хотел, по его собственным словам, поделиться с товарищами по изгнанию воспоминаниями о родных местах (родился он в Новогрудском повете), познакомить их, хотя бы по памяти, с поэтическими произведениями, созданными белорусским народом (записи, сделанные Рыпинским, пропали во время восстания 1830—1831 гг.). Особенно подробно описывает Рыпинский народные похоронные и свадебные обряды, игры и пляски и приводит сопутствующие им песни. В книжке «Białogół» почти не представлены обличающие польских помещиков и ксендзов сатирические сказки, предания и песни, которыми богат белорусский фольклор. Автор не пользовался приемами научной записи, фольклорные материалы, приведенные в его книге, отрывочны и даны в ложном тенденциозном толковании, поэтому научного значения «Białogół» почти не имеет.

Эта книжка известна в русской и белорусской фольклористической и этнографической литературе. Ее знал П. А. Бессонов, ошибочно именующий автора Рыпинским⁶; несколько страниц посвящает ей А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии». «Автор не замечает внутреннего противоречия всей своей книжки,— пишет Пыпин,— он с жаром говорит о необходимости изучения народности, в данном случае белорусской, ждет здесь открытия национальной святыни — и в то же время признает эту народность только как польскую и, собственно говоря, желает ей исчезнуть»⁷. Отрицание национальной самобытности белорусского народа, которым проникнута книга Рыпинского, было справедливо осуждено передовыми представителями белорусской общественной мысли и фольклористики. Рыпинский не понимает исторического смысла русско-польских отношений начала XVII в., он с симпатией говорит о гетмане Жулкевском, осуществлявшем захватническую политику польских феодалов, — и это тоже характеризует шляхетско-националистические тенденции книги. Однако популярность декабристов в Польше была так велика, что даже столь далекие от демократического лагеря участники национального движения, как Рыпинский, восхищались подвигом русских революционеров, преклонялись перед ним. Знакомство с Кюхельбекером усилило протест Рыпинского против реакционной политики царского правительства, пробудило чувство солидарности с декабристами, вдохновило на борьбу за независимость Польши. Рыпинский рассказывает о том, какой большой след в его жизни оставило знакомство с Кюхельбекером, утверждает, что образ героя-декабриста навсегда сохранился в его душе.

Воспоминания Рыпинского должны занять значительное место среди мемуарных рассказов о Кюхельбекере. В этих воспоминаниях нашла свое отражение беззаветная преданность Кюхельбекера родине, нестигаемая сила его духа, многогранная образованность. Перед читателем возникает благородный и трагический образ русского поэта-революционера. Воспоминания Рыпинского проникнуты благоговейной любовью к герою-декабристу, восхищением его патриотическим подвигом.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. R. P i o t r o w s k i. Pamiętniki z pobytu na Syberii (Р. П и о т р о в с к и й. Записки, созданные во время пребывания в Сибири). Poznań, 1860, t. III, str. 7—8; M. J a n i k. Dzieje Polaków na Syberii (М. Я н и к. История поляков в Сибири). Kraków, 1928, str. 108, 199—204 (здесь приведены воспоминания Машковского и Сабинского); «Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberii, przez Agatona G i l l e r a (Описание Забайкальского края Сибири, сделанное Агатоном Г и л л е р о м)». Lipsk, 1867, t. I, str. 285—286, а также другие мемуарные источники. Отрывки из воспоминаний ссыльных поляков о декабристах приведены в книге Леона Баумгартена «Декабристы и Польша» (Leon B a u m g a r t e n. Dekabryści a Polska). Warszawa, 1952.

² В августе 1830 г. Тадеуш Ск르지дневский писал Кюхельбекеру: «Посылаю кой-что новое Мицкевича Рыпинскому, пусть он с Вами их прочтет» («Декабристы и их время», 1951, стр. 41) (см. ниже прим. 1 к тексту «Воспоминаний» Рыпинского).

³ См. статью: И. И. Б е к к е р. Декабристы и польский вопрос. — «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 65—74.

⁴ См. описание манифестации в статье: Е. Д а н е л е в и ч. Powstanie listopadowe (Ноябрьское восстание). — «Wiadomości historyczne», 1952, № 3, а также в названном сочинении Л. Баумгартена (стр. 197—205) и др.

⁵ «Lud Polski w emigracji» (Польский народ в эмиграции). Jersey, 1854, str. 251 и др.

⁶ «Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, очерками народного обряда, обычая и всего быта». Издал Петр Бессонов. М., 1872, стр. XXIII.

⁷ А. Н. П ы п и н. История русской этнографии т. IV. Пб., 1892, стр. 44.

<ВОСПОМИНАНИЯ А. РЫПИНСКОГО>*

Василий Карлович Кюхельбекер — тот самый, который, после того как раскрыли большую тайную организацию в Петербурге в 1825 г., был схвачен в Варшаве каким-то унтер-офицером, когда он, спасаясь бегством, пробирался, переодетый кучером, в Германию.

Я познакомился с ним в крепости Динабург, когда он, приговоренный к 15-ти годам каторжных работ, лишенный рангов, чинов, орденов и дворянского звания, уже почти пятый год нес бремя тяжелого наказания; не раз я с товарищем Александром Понговским или Тадеушем Ск르지дневским¹ убегали из школы прапорщиков навещать его то в лазарет, то опять в тюрьму.

Этот человек великой души, немец или швед по фамилии, родился где-то в окрестностях Петербурга или в самой столице и был истинным сыном своей новой родины, которую больше жизни любил, так же, как сами Рылеев, Бестужев и Пестель (<...>). Ему предстояло перед изгнанием в Сибирь провести еще несколько лет в Динабурге, и он спокойно просидел бы эти годы в своей камере в халате, если бы посещения тюрьмы проезжавшим мимо тираном не нарушали столь дорогого для него покоя²; зловещее предзнаменование этих посещений: Кюхельбекеру брили по-арестантски лоб и запрягали больного, с киркой в руке, в тачку.

Как ясный месяц блестит среди бесчисленного множества тусклых звезд, так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красоты среди огромной толпы преступников, одетых, как и он, в серый «мундир» отверженных. Сильное и закаленное сердце, должно быть, билось в его груди, если уста, этот верный передатчик наших чувств, никогда ни перед кем не произнесли

* Перевод с польского.

ни слова жалобы на столь суровую долю. Молчал он — молчал и ждал конца своих страданий!.. О, да, воистину, кто знал его ближе, тот любил, ценил, восхищался и благоговел перед ним, а кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально-чистой души и глубокой образованности. Даже на лице солдата, простоявшего хотя бы несколько минут на страже у его дверей, появлялось выражение преклонения и уважения всякий раз, когда неожиданный свет, излучаемый лицом этого необыкновенного узника, ударял ему <солдату> в глаза — ибо кого бы не тронул этот волнующий образ невинно терзаемой небесной добродетели, это повторное издание христовых мук, верное описание которых не под силу моему перу. Еще и сегодня стоит перед моим мысленным взором виденное мною дважды во всем его чарующем сиянии это святое бритое чело, о котором могу сказать только словами Мицкевича:

И голова его, обрита насильем,
Что в тысячной толпе над волнами голов
Так смело высилась, горда и непокорна,
Как образ правоты, замученной позорно,
Как в час перед грозой, меж пенистых
валов,

Дельфина голова над шумной глубиной, —
Все это в памяти хранимо будет мною,
Чтоб верным компасом на жизненном
пути
Меня к великому свершению вести.
И бог меня забудь, когда о том забуду! ³

<...> Единственным его занятием, единственной отрадой в тюрьме была литература. Я переписывал ему, помню, по-русски для печати прекрасную трагедию под заглавием «Шуйские», из времен захвата Москвы Жулковским ⁴; это произведение его почтенная мать должна была анонимно опубликовать в его пользу. Меня привлекло к нему то, что в этом произведении он наделил нашего великого полководца благородным характером, а еще больше то, что он привел дословный перевод с польского речи Жулковского, взятой из исторических песен уважаемого ветерана польской литературы, которого мы в нашем обществе по заслугам почитаем ⁵ <...> В этой работе мы сами все ему помогали...

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В сб. «Декабристы и их время» (1951) опубликовано письмо Ф. Э. Скржидлевского (имя Тадеуш переводилось на русский язык — Фаддей) Кюхельбекеру (1830) в Динабург (стр. 40—41, публикация В. Н. Орлова). Фамилия прочитана неверно (Скржаллевский); в письме упоминается и Рыпинский. В. Н. Орлов на основе опубликованного им письма Скржидлевского справедливо утверждает, что поляки Скржидлевский и Рыпинский относились к Кюхельбекеру дружески, прекрасно знали его произведения и сыграли существенную роль в занятиях Кюхельбекера польским языком, в ознакомлении его с польской поэзией. Комментируя письмо, В. Н. Орлов не дает, однако, никаких сведений о Скржидлевском и Рыпинском. Приводимое воспоминание Рыпинского, в котором упоминается и Скржидлевский, освещает историю дружеского общения Кюхельбекера с польскими патриотами в Динабурге.

² Динабург находился на пути из Петербурга в Германию. Николай I и члены его семьи во время поездок за границу останавливались на ночевку в Динабурге.

³ Рыпинский цитирует драматическую поэму Мицкевича «Дзяды» (III часть, 1832), монолог узника-патриота Яна Соболевского (I сцена; стихи Мицкевича приводим в переводе В. Левика. — Собр. соч. Мицкевича. Т. III. М., 1952, стр. 147). Соболевский рассказывает товарищам по заключению о впечатлении, которое произвела на него встреча у ворот тюрьмы с польским юношей-борцом, жертвой царских репрессий; бритый по-арестантски, закованный в кандалы, он должен был следовать по этапу в Сибирь; мужественный юноша обратился к собравшейся около тюрьмы толпе с призывом к национально-освободительной борьбе. В III части «Дзядов» Мицкевич тепло и с любовью нарисовал образ декабриста А. А. Бестужева и другого, не названного по фамилии русского офицера (как полагают, Рылеева); поэт показал, что их связывают с польскими патриотами узы дружбы и братства (VIII сцена).

⁴ О трагедии Кюхельбекера «Шуйские» — см. стр. 689 настоящего тома.

⁵ Речь идет об «Исторических песнях» (Spicury historyczne, 1816) известного польского поэта-драматурга, сподвижника Костюшки, Юлиана Немцевича. Кюхельбекер, вслед за Рылеевым, интересовался творчеством Немцевича. Кюхельбекер читал его сочинения на польском языке (см. Пушкин, т. XIV, стр. 116—117).

Далее следуют строфы из «Думы о Станиславе Жулковском» Ю. Немцевича.